

Почему-то забывается, что введение в науку понятия «народная поэзия», причем в самом широком смысле, явилось прогрессивным актом. Благодаря этому термину XIX века, позже неоднократно критикованному, на сцене европейской культуры был легализован такой субъект, как простой народ – носитель и хранитель высокохудожественных произведений. В отличие от недальновидных современных ученых, молодой Н. А. Добролюбов не сомневался, что «народная поэзия выражается не в одних песнях ... Кроме того народные пословицы, поговорки, притчи, загадки, заговоры, заклятия, причитания, присловья – также служат отражением народного ума, характера, верований, воззрений на природу, и в них также находим проявление поэтического гения языка» [1, с. 83]. И какая же наука, кроме фольклористики, возьмется изучать эти жанры, которые желают быть услышанными и транслированными во времени?

К сожалению, «демон тупоумия» (Т. Манн) бодрствует всегда, а критика далеко не всегда становится источником развития, в особенности деструктивная, когда за бортом остаются важные проблемы, но практически ничего не предлагается взамен, кроме подхваченных «на стороне» терминов, концепций, тезисов, которые едва ли не сразу начинают подвергаться трансформации. Надо честно признать, что массу поводов для нападков на фольклористику давали сами ученые, когда вместо формирования базы постулатов, ограниченного числа истин, в которых никто не сомневается, старательно лишали объект изучения определенности, представляя его как поддающуюся дефиниции наисложнейшую реальность. На протяжении последних десятилетий те самые метания наблюдаются относительно предмета изучения, как будто не было классических работ по теории и методологии фольклора, не потерявших актуальности и в наше время. Понятно, что без специфического предмета изучения наука существовать не может, разрушается ее целостность.

Формирование фольклористики сопровождалось разработкой теории и истории фольклорных жанров, поиском принципов их классификации, чему отдали дань многие авторитетные ученые. Конструктивное оппонирование является необходимым фактором научного диалога, позволяющим увидеть решение проблемы в новом свете. Когда А. А. Панченко настаивает на том, что «фольклор не следует рассматривать как систему жанров», поскольку «к значительному числу форм массовой словесности традиционное для литературоведения жанровое деление неприменимо» [4, с. 90], то тем самым он лишает науку перспективного развития, отказывая ей в праве изучать фольклор как живое явление в сочетании системных образований, жанров, экстражанров и квазижанров. Ученые постоянно пытались осветить блеском теории пропасть, зияющую между не-фольклором и уже-фольклором, и найти звено, их соединяющее, что в обязательном порядке включает антропологический компонент – фигуру «геноавтора», как мы его называем. Из аморфной квазижанровой массы – «когда бы вы знали, из какого сора, растут стихи, не ведая стыда» (А. Ахматова) – он строит модели будущих жанров, прогнозировать появление которых не возьмется ни один умник. Однако именно этот возмущающий фактор дает нам право настаивать на системном характере фольклорного творчества и отстаивать уникальность фольклористического предмета исследования.

Поддерживая общую полемическую заостренность доклада А. А. Панченко относительно слабости теории фольклора, позволим себе усомниться в выводах ученого. Часть из них отдает откровенным анахронизмом и нигилизмом, другая – непониманием сущности фольклористики как интегративной науки, третья – ложным новаторством, а временами – простой неосведомленностью. Когда А. А. Панченко постулирует, что «обращение фольклористов к современной культуре может способствовать не только внутреннему развитию дисциплины, но и повышению ее институционального статуса» [4, с. 92], он как будто забывает, что фольклористы всегда, в большей или меньшей степени, так или иначе, исходя из объективных обстоятельств и возможностей, обращались к контексту современной им культуре, и тем самым вводит в заблуждение научную молодежь. Интегративная фольклористика актуализирует особое положение фольклора в народной культуре как носителя смыслов, связывающих его с историей народа, традиционным и современным бытом, мифологическими представлениями, системой устойчивых, текучих или сиюминутных эстетических идеалов, этических предпочтений. Какие бы сдвиги ни происходили в фольклоре, в каком бы направлении ни двигалось фольклорное творчество, какую бы скорость ни набирал фольклорный процесс, это всего-навсего расширяет исследовательское поле, но не лишает фольклористику, как науку о народном творчестве определенности и значимости.

Более пятнадцати лет назад на правительственном уровне была утверждена государственная программа развития социально-гуманитарных наук, где ставилась задача формирования корпуса кадров с использованием принципа междисциплинарной подготовки. Кто скажет, коснулась ли она фольклористики? И если коснулась, то каковы результаты?

Список литературы:

1. Добролюбов, Н. Собрание сочинений в 9-ти томах. Т. 1. М.: ГИХЛ, 1934.
2. Ковалева, Р. Интегративная фольклористика / Р. Ковалева, О. Приемко. – Минск : БГУ, 2017. – 239 с.
3. Народное музыкальное творчество. Учебник / отв. ред. О. Пашина – СПб. : Композитор, 2009. – 568 с.
4. Первый Всероссийский конгресс фольклористов. Сборник докладов. Том 1. – М. : Государственный республиканский центр русского фольклора, 2005. – 448 с.
5. Пропп, В. Фольклор и действительность. Избранные статьи / В. Пропп. – М. : Наука, 1976. – 324 с.

Gunta Silinya-Yasukevicha

ТРАДИЦИОННАЯ КУЛЬТУРА В ОБРАЗОВАНИИ: ПРОБЛЕМЫ И РЕШЕНИЯ

Gunta Silinya-Yasukevicha

TRADITIONAL CULTURE IN EDUCATION: PROBLEMS AND SOLUTIONS

В статье описан подход преподавания, содержание и методология традиционной культуры в программах подготовки учителей дошкольного и начального образования в Латвийском университете.

The article describes the approach of teaching content and methodology of traditional culture in preschool and elementary school teacher training programs of University of Latvia.

У каждой нации в мире есть своя уникальная мировоззренческая система – культура. Развитие ребенка вне культуры невозможно. «Культура создает человека, а человек растет и продолжает создавать культуру. В процессе изучения и

интерпретации культуры человек становится корейцем или американцем» [11, с. 80], латышом, латгальцем и так далее. Культура в целом охватывает внешнюю, видимую, материальную культуру и внутреннее, символическое значение или ядро культуры.

В настоящее время традиционная культура существует в пост-функциональной ситуации - многие традиции больше не наследуются из поколения в поколение. Если традиции не изображаются древними, охватывающими и повторяющимися, они просто исчезают. Свобода личности «осуществлять» свою принадлежность к определенному культурному пространству находится под угрозой.

Традиционная культура регионов является предметом междисциплинарного исследования. В Латвии проводится комплексная реформа содержания образования. Новая реформа подчеркивает важность развития культурного сознания в воспитании и образовании человека. В новой реформе содержание культуры можно увидеть более или менее на всех уровнях образования. Культурная осведомленность в реформе определяется в области образования (предметы: литература, изобразительное искусство, музыка), а также как трансверсальная компетенция, которую можно обрести, изучая содержание различных предметов целостно [10].

Активность также проявляют богатые традициями регионы, особенно культурное пространство Суйти и Латгалия. Довольно стихийно разрабатываются образовательные программы, выпускаются традиционные аудио и видео материалы, культурные ценности округа предлагаются в формальном и неформальном образовании.

Как известно, традиционное культурное образование в дошкольных и начальных школах невозможно без хорошего учителя. Увы, в программах подготовки учителей содержание и методология традиционной культуры предлагаются в качестве курса свободного выбора. В течение года около 400 студентов посещают этот курс в Латвийском университете.

Основной вопрос в этом курсе – как для ребенка осуществить изучение традиционной культуры в дошкольном и начальном образовании?

Во-первых, для современного человека, особенно для учителя, прежде чем он начнет изучать традиции, важно критически понять систему традиционного мышления, восприятия и ритуалов, их значение.

В современном мире ядро культуры лучше всего видно в традиционных праздниках, так как традиционные праздники являются самой консервативной, самой медленно меняющейся частью культуры [1; 3; 4]. Традиционные праздники концентрированно раскрывают ядро культуры каждой нации и предлагают проверенную систему индивидуального и мирового соответствия. Систематическое ознакомление с праздничными традициями способствует приобретению ценностей, поведенческих норм и обычаев, характерных для конкретной культуры [3]. В этом процессе человек учится понимать свое происхождение, себя и смысл своей жизни. Извлеченные уроки помогают интегрироваться в общество и культурную среду для реализации потенциала личности [5; 17; 18]. Такая точка зрения преподавания традиций осуществляется в работе с студентами некоторых программ по педагогике в Латвийском университете.

В процессе ознакомления с праздничными традициями необходимо обратить внимание на следующие составляющие праздничного содержания: время (соотношение между ритмом природы и человеческой жизнью); место действия; участники; ритуал: ритуальные атрибуты, еда, одежда, тексты (песни, верования, головоломки, сказки и т. д.), хореография (танцы, игры) и т. д.; смысл занятий [1; 2; 3; 14; 16; 17].

Традиция требует практической работы - празднование праздников, выполнение ритуальных действий. В этом процессе оно может стать действительным, пригодным для использования или отклоненным.

Нельзя упускать параллели между структурой ритуала и процессом обучения (рис. 1).

Рисунок 1 – Terence Lovat's model

Культурная осведомленность развивается в систематической, интегрированной и практической деятельности, когда человек с близкими взрослыми и сверстниками имеет возможность участвовать в практике традиций, специфичных для культуры, в том числе посредством культурного и природного педагогического потенциала [1; 3; 7; 6; 8; 9; 13; 14; 16].

В процессе обучения студенты узнают, что традиции могут быть интегрированы во всех предметах образования в качестве учебного контекста для изучения конкретных предметных знаний. Этот подход реализован в серии учебников для начальной школы по традиционной культуре «Saules gads».

Спис літатуры:

1. Байбурин, А. Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов / А. Байбурин. – СПб. : Наука, 1993. – 240 с.
2. Быкова, Э. Традиция как способ формирования народной культуры / Э. Быкова // Народная культура в современных условиях. – М : РИК, 2000. – 220 с.
3. Зыкова, М. Фольклоротерапия: структурирование жизни через обряд / М. Зыкова. – М. : Издательство психолого-социального института, 2006. – 77 с.
4. Элиаде, М. Трактат по истории религии / М. Элиаде. – М. : Академический проект, 2015. – 394 с.
5. Ashmore, R. An organizing framework for collective identity: Articulation and significance of multidimensionality / R. Ashmore, K. Deaux, T. McLaughlin-Volpe // Psychological Bulletin. – 2004. – № 130. – P. 80–114.
6. Bronfenbrenner, U. Making Humans Beings Human: Bioecological Perspectives on Human Development / U. Bronfenbrenner // Thousand Oaks / ed. U. Bronfenbrenner. – CA : Sage Publications, 2005. – P. 336.
7. Dāļgrēns, L. Brīvdabas pedagoģija. Mācīšanās no grāmatām un sensorās pieredzes / L. Dāļgrēns, A. Ščepanskis. – Rīga : Valmieras tipogrāfija LAPA, 2007. – P. 64.
8. Dewie, J. Experience and Education / J. Dewie. – New York : Touchstone, 1997. – P. 96.
9. Eliade, M. Sakrālais un profānais / M. Eliade. – Rīga : Minerva, 1996. – P. 188 .

10. Izglītība mūsdienīgai lietpratībai: mācību saturs un pieejas apraksts (2017) // Domaundari.lv [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://domaundari.lv/cepure/Macibu%20saturs%20un%20pieejas%20apraksts.pdf>. – Дата доступа: 13.03.2019.
11. Lee, K., & Walsh, D. J. Extending developmentalism: Cultural Psychology and Early Childhood Education / Lee, K., & Walsh, D. J. // International Journal of Early Childhood Education., 2001. – № 7. – P.71–91.
12. Lovat, T. Lovats 5 step approach / T. Lovat // Ritualandliturgy.weebly.com [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ritualandliturgy.weebly.com/terence-lovats-model.html>. – Дата доступа: 13.03.2019.
13. McWilliam, E. Personally significant learning / E. McWilliam, P. Taylor // Ericamcwilliam.com.au [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ericamcwilliam.com.au/personally-significant-learning/>. – Дата доступа: 13.03.2019.
14. Rancāne, A. Saules gads. Ziemassvētki / A. Rancāne, G. Siliņa-Jasjukeviča, I. Briška. – Rīga : Madris, 2014. – P. 214.
15. Rogoff, B. The cultural nature of human development / B. Rogoff. – Oxford, USA: Oxford University Press, 2003. – P. 448.
16. Rancāne, A. Saules gads. Lielā diena / A. Rancāne, G. Siliņa-Jasjukeviča, I. Briška. – Rīga : Zvaigzne ABC, 2016. – P. 268.
17. Siliņa-Jasjukeviča, G. In-depth cultural studies in multicultural group / G. Siliņa-Jasjukeviča, I. Briška // Discourse and Communication for Sustainable Education. – Rēzekne : Rēzeknes Tehnoloģiju akadēmija, 2016. – vol. 7. – P. 139–148.
18. Siliņa-Jasjukeviča, G. Novada tradicionālās kultūras apguve lokālās kultūrpiederības veicināšanai sākumskolā / G. Siliņa-Jasjukeviča // Promocijas darbs. – Rīga : Latvijas Universitāte, 2011. – P. 233.

Ирина Попова, Диана Гаглоева

ПРИЧИТАНИЯ В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ ОСЕТИИ

В статье на основе научных публикаций, а также экспедиций этномусикологов Санкт-Петербургской государственной консерватории и Российской академии музыки имени Гнесиных 2018 года анализируются осетинские причитания, плачи по умершим (так называемые «хъарæг» [karæg]) в единстве ритуальной, музыкальной и поэтической составляющих.

Irina Popova, Diana Gagloeva

LAMENTATIONS IN THE TRADITIONAL CULTURE OF OSSETIA

This article, based on scientific publications, as well as expeditions of the ethnomusic school of the St. Petersburg State Conservatory and the Gnesins Russian Academy of Music in 2018, analyzes Ossetian lamentations, crying for the dead (the so-called “kharæg” [karæg]) in the unity of the ritual, musical and poetic components.

Причитания, плачи по умершим в единстве ритуальной, музыкальной и поэтической составляющих представляют собой один из наименее изученных жанров осетинского фольклора. В народной традиции он имеет название «хъарæг» [karæg], производное от глагола «хъарæг кæнын» [karæg kænyn] — причитать.

Более или менее развернутые этнографические описания погребальной обрядности обнаруживаются уже в ранних источниках, начиная с середины XIX века: Бердзенов Н. Г. Осетинский обряд сидения мертвецов // Кавказ. — 1850. — № 7; Миллер В. Ф. Черты старины в сказаниях и быте осетин // Т. IX, Вып. II. СПб., 1883; Вертепов Г. А. Похоронные обряды у осетин // Терские ведомости. — 1901. — № 23–26; Цаголов Г. М. Поминки // Новое обозрение. — 1895. — № 3821; Чурсин Г. Ф. Праздник мертвых // Новое обозрение. — 1896. — № 4208; Чурсин Г. Ф. Культ мертвых на Кавказе // Очерки по этнологии Кавказа. — Тифлис, 1913 и др. Однако все эти описания, как правило, лишены поэтических текстов.

Текстовые публикации плачей сосредоточены в публикациях советского периода и в ряде работ недавнего времени: Памятники народного творчества осетин. Вып. 2. — Владикавказ: Ир, 1927; Памятники народного творчества осетин: Трудовая и обрядовая поэзия // Сост. Т. А. Хамицаева. Т. 1. — Владикавказ: Ир, 1992; Бесолова Е. Язык и обряд: похоронно-поминальная обрядность в аспекте ее текстуально-вербального выражения / ВНИЦ РАН СОИГСИ им. В. И. Абаева. — Владикавказ, 2008. — 405 с.

Одной из основных филологических работ, посвященных осетинской похоронно-поминальной обрядности и собственно причитаниям, является работа Е. Б. Бесоловой [2]. Исследователь относит плачи, к категории «малых» жанров осетинского фольклора.

В структуре похоронно-поминальной обрядности Бесолова выделяет три периода/этапа:

- 1) амалæн бон [амалан бон] — допохоронный, включающий обрядовые действия в доме;
- 2) ныгæнаны бон [ныгананы бон] — похоронный — вынос из дома, путь на кладбище и обряды, совершающиеся на кладбище;
- 3) хистытæ [хистыта] — послепохоронный — все поминальный дни.

Исследовательница также отмечает две формы оплакивания: сольная (наиболее широко распространена) и групповая (или хоровая), в которой одна плакальщица произносит текст плача, а остальные женщины подпевают на слово «дадаей» [дадай].

По особенностям поэтики жанра Бесолова выделяет три тематических группы плачей:

- констатация факта смерти, связанная с обращением к умершему, сформулированному в форме риторического вопроса;
- оповещение о смерти, рассказ об обстоятельствах смерти;
- некролог, в котором проявляется традиция хвалить покойника.

Говоря об архитектонике традиционных осетинских плачей, Елена Бутусовна выделяет традиционные завершающие мотивы поэтических текстов: «обращение к умершему», «мотив сиротства, безысходного горя», «плач-упрек», [связанный с высказыванием упреков в адрес покойного и мотив жалости к себе в данной ситуации – И.П., Д.Г.], и последнее – «просьба» [2, с.160-161]. Примечательно, что автор также отмечает некоторые стилистические особенности причитаний, связанные с характером их интонирования. «Плачи — жанр музыкальный, исполнялись они своеобразным речитативом. Музыкальная форма их проста...» [2, с. 155].